

Звездные часы питерской социологии

Борис Максимов

ведущий научный сотрудник
Социологического института РАН

Были ли у социологии "звездные часы"?

Этот текст я хотел бы посвятить В.Б. Голофасту, во имя которого скоро состоятся уже пятые социологические чтения, организуемые неутомимым (а, возможно, просто не показывающим утомления) верным последователем своего бывшего руководителя О.Б. Божковым. В переключке с ретроспективной рубрикой (секцией), заведенной Божковым, "Что стоит взять в будущее из прошлого?" идет и данный текст. Не помню, чтобы Голофаст писал о событиях, которых я касаюсь, но он жил в то время, был участником тех перемен, активно реагировал на них, напряженно размышлял и о судьбах самой социологии. Жанр текста — непонятен самому автору, редактор заранее обеспокоен — куда поместить такое писание?

"Звездные часы" — были ли они у новейшей российской социологии в целом и питерской в частности? И если — да, то, что собой представляли, что означали? На какое ее состояние, положение можно ориентироваться как критерий? Было ли это создание Лаборатории социологических исследований Ядова-Здравомыслова в Ленинградском университете? Или первый симпозиум по социологии, когда в большом конференц-зале Академии Наук народ стоял даже в проходах, попахивало съездом пассивариетов? Или когда был создан в Москве ИСИ, а в Питере — социологический отдел в ИСЭПе, а перед этим — НИИ КСИ, где социология тоже составляла значительную часть? А может быть в начале перестройки, когда посланец Ленинграда В.А. Ядов стал директором центрального социологического института, а в Питере учрежден филиал ИС РАН? Или когда секция социологов трудовых коллективов, находящаяся на передовой социологии, как я выражался, выросла до 150 человек и даже учредила клуб заводских социологов (руководителем коего стал М.Е. Илле)? (Победы на этом фронте, пожалуй, ближе всего автору). Еще припоминаются прекрасная, представительная конференция по Ленинградской социологической школе, эпопея социального планирования, представительство социологов на ВДНХ и даже получение некоторыми (из руководства, конечно) государственных медалей, открытие социологического факультета в ЛГУ...

Быть может, "звездных часов было несколько, много? Тогда нужно бы уточнить содержание понятия. В энциклопедиях, словарях определения не нашел, припоминается только у С. Цвейга в его "Звездных часах человечества" "звездный час" трактуется как важное, иногда роковое событие, способное изменить ход истории, как великая возможность, которая обычно упускается. Таким является, например, не появление маршала Груши в решающий момент битвы при Ватерлоо. Была возможность свежими, резервными силами в 1/3 наполеоновской армии изменить ход сражения в пользу французов, но она была упущена. В "Эльдорадо" это пик подъема, развития "Новой Гельвеции" Зутера, обнаружившего золотые россыпи на своей земле, но одновременно начало разорения его "империи"; в покорении Южного полюса это упущенная экспедицией Скотта возможность придти на полюс первыми; настолько сильный эмоциональный удар, что приводит к гибели людей, потерявших волю к жизни. В обычном понимании это момент наивысшего подъема, развития, например, той же науки, сопряженный с общественным признанием, к примеру, ядерной физики. Мне наиболее ценным представляется момент наивысшей востребованности, в данном случае — социологии, возможность как-то повлиять на жизнь, связанная, конечно, и с ее подъемом, развитием, и с общественным признанием, а также и с упущенными шансами (автор — давний приверженец вторжения социологии в жизнь).

Язынская школа социологии как одно из проявлений питерской социологии начала эпохи перемен

Первое событие, которое я считаю "звездным часом" питерской социологии ("одним из", разумеется), имело место в начале перестройки, которую, в свою очередь, полагаю, можно назвать "началом эпохи перемен". Этот "час" (вообще-то продолжительностью более двух лет), видимо, стал выражением того, что и у страны в целом был свой "звездный час", проявившийся во множестве отдельных часов, в т.ч. и социологии. И это похоже на правду, если считать, что была же в нашей российской трансформации "весна демократии", коснувшаяся своими крыльями и социологии, вспомнить про множество проявлений подъема, наката волн общественной активности, начало преобразований в политике, в экономике, в публикациях на самые разные темы... И самое главное — именно в общественной активности, которая до этого если и существовала, то в имитационных формах. И вдруг волна поднялась, как некая стихия, подобная даже цунами, захлестывающая все и всех. Я помню, речи Горбачева слушали, открыв рот. А его выходы к народу прямо на улице, остановив внезапно машину, просто потрясали (кого-то, наверное, и шокировали). Трансляции съездов народных депутатов слушали как интереснейший спектакль. Помню, специально для этого купил портативный радиоприемник, и слушал все подряд, находясь дома, на работе, в транспорте, в обед, вечером. На лекцию экономиста Шмелева, которую устраивали в БКЗ(!) народ валил валом, посредине дня, и большой зал был забит как на самых аншлаговых концертах, спектаклях — немыслимое дело!. А сборишно-общательная активность. Возникли всякие группы, клубы, кружки, объединения, партии, целые огромные общественные движения, кроме всего прочего — неслыханные забастовки. Справочники А. Темкиной, С. Васильева, Информационный бюллетень комиссии ЛО ССА по изучению общественных движений в Ленинграде того времени насчитывали более 50 ячеек (партий, организаций, движений) от группы "Рабочая инициатива" до массового движения "За народный фронт". Плюс к этому было множество просто встреч, вечеров, тусовок, нередко под открытым небом...

Можно сказать, что Россия встала на крыло и была готова взлететь высоко, покорить невиданные вершины (или, если угодно, загудела как разбуженный улей пчел, готовый с пчелиным энтузиазмом, трудолюбиво начать собирать нектар с новых цветов, отстроить еще одно семейство и полететь за новой маткой, а то и наброситься на возбудителя беспокойства, постукавшего по стенке улья палкой или тяжелой лапой).

Социология, конечно, не могла остаться в стороне. И не осталась. Она находилась, как говорят, на гребне волны. В Москве, как отмечалось, В.А. Ядов становится директором головного социологического института. В Питере изгоняют из ИСЭПа, как беса, известного деятеля, сбрасывают социологического "мужика с дубиной". Социологи получают правительственные заказы на исследования по животрепещущим темам (например, как идет процесс приватизации, которые раньше почетно называли "гос. заказами"). Да и без заказов целые институты ведут мониторинги перемен, составляют всеобъемлющие справки, доклады в директивные органы, сообщают о позитивных сдвигах и в то же время предупреждают о появляющихся деструктивных последствиях. В Питере академическая социология выделяется из ИСЭПа, образует собственный филиал московского института социологии и возглавляется верным и достойным учеником, последователем отца ленинградской социологии Б.М. Фирсовым. Особенно активными были

молодые социологи, подростки к "Звездному часу" в упомянутом ИСЭПе, гос. университете, институте культуры, других социологических ячейках. Они не только наблюдали, изучали процессы трансформаций (тогда это были последовательно — интенсификации, ускорения, демократизации и т.д.), но и включались в демократические движения, в их составе институционализировались в новых органах власти, стремящихся стать демократическими, пытались изнутри не только вести наблюдающее участие по Алексееву, но и влиять на ход преобразований. Появляются невиданные "уличные социологи", лидером среди которых заслуженно становится Л.Е. Кесельман. Данные его оперативных исследований давали мгновенную информацию, буквально на другой день после какого-то события, изменения.

Во всем этом были и небывалый подъем, и результативность, и востребованность, и даже активное вторжение в жизнь. И это, говоря словами О. Божкова, "стоило бы взять в будущее из прошлого". Да и в настоящее.

В такое время в Питере появляется человек из Рязани, незабвенный Арнольд Иванович Герен, электронщик по специальности, но приехавший по вопросам отнюдь не электроники, а социологии, создания в Рязани школы по подготовке профессиональных, своих, местных кадров социологов. До сих пор ума не приложу, как он вышел на этот проект, но факт был. Арнольд Иванович сообщает, что в Рязани есть кооператив из вновь созданных ("Луч", директор Тарасов), согласившийся спонсировать всю эту затею. Представляете, были тогда такие кооперативы, пускавшие на социологическую химеру, наверное, всю выручку (а стоимость содержания школы была приличная).

Скомплектовалась группа энтузиастов (Божков, Костюшев, Эткинд, Максимов), стихийно возглавленная А.В. Тихоновым, по всем параметрам тянувшим на роль директора или даже президента. И началась работа, продолжавшаяся два года; ежемесячно высаживался питерский десант, нередко на неделю; занятия велись в интенсивном темпе, по всем вопросам, этапам социологического исследования; читались лекции, проводились семинары, прорабатывалась натуральная программа исследования (Тихонов был до безумия дотошен), разрабатывались методики; потом слушатели собирали эмпирический материал по своей теме, обрабатывали, анализировали его — вообще проводили полноценное исследование, и на этом основании писали дипломы (да, да, вы не ослышались — дипломы). На их защиту, принятие госэкзаменов привозили Алексеева, по-моему, Докторову, кого-то еще. Божков добился, что выпускникам выдавали дипломы государственного образца. И это не была халтура. Весьма интересны темы дипломов; например, тогда уже звучало "насилие в семье".

Работали мы с неподдельным энтузиазмом, охватившим нас при создании школы и в последующие два года. Нам, конечно, неплохо платили, но все же главным двигателем было желание "попорхать" после длительного советского оледенения.

Самое, пожалуй, главное состояло в том, что в Рязани, кто бы мог подумать, проявился отклик, востребованность на социологию и не только среди властей (они не мешали нам), но и членов гражданского общества. О слушателях можно сказать отдельно. Их набралось 25 человек, разных специальностей, должностей, возраста и семейного положения. Школа продолжилась затем в Туле, где было выпущено еще 17 социологических кадров. Все собирались работать по новой, модной тогда специальности.

Параллельно с занятиями питерская группа провела два хозяйственных исследования, с вовлечением слушателей, на молочном заводе и заводе "Холодмаш" в Касимове на тему: "Переход на аренду — ваше мнение?" Помню, как в Касимове (оттуда была одна слушательница, принимавшая нас) я переходил от одного рабочего места к другому и буквально уговаривал рабочих взять станок в аренду, потом выкупить его и строить отношения с администрацией в качестве владельца средства производства. На пару с Арнольдом Ивановичем мы обошли весь завод. И сколько людей восприняли наши прожекты!

Сверхзадачей работы была вообще социологизация рязанского городского руководства, склонение его к использованию социологической информации, социологических методов в управлении, внедрение социологических кадров во властные структуры, создание какого-то социологического центра, по крайней мере — ассоциации. Костюшев создавал общественное движение с культурно-политическим уклоном. Все в духе того времени. Рязанская земля, знаменитая Есениным, должна была стать известной социологически. Высаживаясь в Рязани, питерский десант производил шорох в городе. Мне казалось, что даже реальные десантники, знаменитое Рязанское училище которых располагалось под окнами нашей гостиницы, более бравро пели строевые песни в наше присутствие.

Вот такую позицию, повторяю, такой подход социологии можно бы взять из прошлого в будущее и в настоящее.

По завершении первого выпуска Арнольд Иванович свозил нас на родину Есенина, где можно было полюбоваться с высокого берега Оки захватывающими дух просторами исконной Руси, и устроил прощальный банкет вместе со слушателями в ресторане (по-моему, за счет того же кооператива).

И вот тут мы роковым образом столкнулись со следующим этапом перестройки, начинавшим формироваться из энергии первого этапа, но в другом качестве. В этом же ресторане, в тот же день гуляла компания из героев уже не нашего времени, возглавляемая здоровенным парнем по кличке Слон. Это была протобанда организованной преступности. Вели они себя развязно, задирали посетителей, зацепили и нас, конкретно меня. Но у нас был свой слон — Тихонов, он дал сдачу туземному слону; завязалась потасовка; в ресторане нас развели, но те слоновцы пригрозили, что подождут нас на улице. Возмущено, но довелось бы мне писать сегодня, если бы наши девушки-слушательницы не окружили нас стеной, всячески воздействовали на местных парней — мы уцелели, унесли ноги из Рязани.

Однако Рязань осталась во власти упомянутого "слона". И это не фигуральное выражение. Слон создал настоящую ОПГ, которая несколько лет (несколько лет!) держала в страхе, во власти весь город, терроризировала население, предпринимателей, то ли подавив даже правоохранительные органы, то ли в смычке с ними. Никто пикнуть не смел. Фантастическим образом информация о злодеяниях не выходила за пределы города. С неугодными жестоко расправлялись. Излюбленным способом был такой: человека засовывали головой вниз в железную бочку, плескали туда бензина и поджигали.

А нашим новеньким социологическим кадрам удалось ли поработать социологами, создали ли они свое социологическое сообщество, боролись ли против разгула преступности, криминализации всей общественной жизни, отразили, по крайней мере, период ломки общественных отношений? Ведь это тоже из "звездного часа", по крайней мере, его продолжения.

Была предпринята попытка обзвонить бывших слушателей. Интересно, что из тех, с кем удалось пообщаться (через двадцать лет), большинство начало работать социологами, в разных организациях, на разных должностях, от школы до городской администрации — таков был спрос на социологию. Некоторым удалось провести исследования. Но в последующий период — экономического кризиса — начались сокращения; социологов сокращали в первую очередь. Сообщество они создали, но в кризис оно развалилось. Преступная группировка не удостоила своим вниманием социологов (что с них взять?!), а в ресторане они, наверное, просто не поняли, что такое социология. Но и сами социологи не боролись с организованной преступностью, не проанализировали это знаменательное явление новой жизни.

Можно подумать, что Рязани просто не повезло, как вначале сказочно повезло насчет социологии. Но, похоже, в подобном положении находились многие социологи по всей стране. Угроза жизни, как правило, не существовала, но нищенское положение, отсутствие средств на проведение исследований, главное — невостребованность (за исключением периодов политических

кампаний) ставили социологию в положение физического выживания. Как и другие науки. Помню, на встрече с Соросом в Университете один ученый благодарил благодетеля российской науки за грант; благодаря которому он мог хотя бы ездить на работу. Да и все население оказалось в ситуации, напоминающей рязанскую. Если не ОПГ, так ФПГ вошли в силу и так же во многих случаях держали людей на грани голода.

Но, слава Богу, лихие 90-е прошли. И, думаю, вполне настало время, когда надо посетить Рязань. Но не для воссоздания школы как учебного заведения (сейчас там готовят социологов в пединституте, в институте культуры — не наше ли отдаленное эхо?!), а привнесения бывшего в реальности духа социологии начала эпохи перемен, ленинградской социологической школы. Можно верить, что дух того и другого не исчез бесследно.

На сей раз возглавить дело надо, несомненно, О.Б. Божкову, ибо он до сих пор поддерживает связь с рязанцами (и тульцами). Возможно, у него нет тихоновской слоновской стати, но по части организации он всем видный слон. Что касается автора, то он готов снова пойти добровольцем. Даже за свой счет.

"Мы пришли учиться у социологов"

Эту фразу произнес на заседании правления ЛО ССА не кто иной, как первый секретарь Обкома КПСС (конца 1980-х). Тогда это был невиданный "звездный час" питерской социологии, о котором тоже хочу сказать.

Событие тоже из начала эпохи перемен. Еще стоит советская власть, на вершине пирамиды которой в Ленинграде — Обком КПСС как высший орган на вверенной ему территории (вверенной, конечно, ленинградскими коммунистами). Но уже дуют ветры перемен. И одно из знаковых, как говорят, событий — выборы съезда народных депутатов. Выборы, но уже не традиционные, которые проходили как ритуал, в торжественной обстановке, с выбрасыванием в буфетах на избирательных участках какого-нибудь дефицита, например, бананов. Для социологов главное в том, что они принимают, как уже отмечалось, участие в процессе выборов, хотя вообще-то их не приглашают. Еще по традиции выдвигаются кандидаты от "блока коммунистов и беспартийных", среди них такие тяжеловесные фигуры как первые секретари обкома и горкома партии. Предполагается, что все будет как всегда, 98-99% "за", ну, какое-то количество испорченных бюллетеней (с неприличными надписями). Избиратели сами исправно отдадут голоса за тех, за кого надо.

Но на этот раз наряду с тяжеловесами выдвигаются в кандидаты какие-нибудь мэнэсы, типа Юрия Болдырева из НИИ Судостроения. Социологи, Л. Кесельман со своей уличной социологией меряют рейтинги кандидатов и показывают, что мнс Болдырев перетягивает первого секретаря горкома Герасимова. И даже высчитывают проценты будущего голосования. На которые, разумеется, власть предрержащие не обращают внимания. И если и ведут предвыборную агитацию, то скорее для профформы.

И вот, как гром, результаты голосования. Почти все партхозноменклатурные кандидаты терпят сокрушительное поражение, в т.ч. и первые секретари. При этом часто — почти в полном соответствии с прогнозами социологов. Все в шоке. Видимо, и сама "ведущая". Только социологов, их заслуги далеко не все поминают. Все же результаты, предсказания, очевидно, заставили партию призадуматься. У обкома хватило мудрости признать социологию. Возможно, они полагали, что дело в социологах как таковых, обладающих какой-то колдовской силой. Так или иначе — приходит признание, востребованность социологии, причем от высшей на то время властной инстанции. И не на пустом месте, заслуженно. К тому моменту социология уже выработала и оперативные методы анализа, и материалы фундаментальных исследований накопила, готова была и прогнозы давать, и проекты предлагать.

Самый звездный миг "звездного часа" напоминал буквально фантастическое по тем временам событие. Идет рядовое заседание правления Ленинградского отделения ССА. Обсуждается ка-

кой-то рядовой вопрос. И вдруг по залу пронесится как бы дуновение. В следующий момент в помещение входит почти в полном составе Обком КПСС во главе с первым секретарем В. Соловьевым. И садятся высшие партийные начальники не в президиум, а на задние ряды, и первый секретарь поясняет, что они "пришли учиться у социологов". Перед этим они пешком (!) проделали путь от Смольного до Войнова, 50 (где помещался ИСЭП, и собиралась социологическая ассоциация). Не предупрежденные социологи не знают, что и думать. Очень уж невообразимая, прямотаки пикантная ситуация.

Однако скоро они осознают, что наступил их "звездный час", и теперь они могут транслировать властям все, что думает и говорит о них население и не только по поводу выборов; у социологии открылись возможности не только изучать реальность, но и воздействовать на нее, выдвигая предложения и добиваясь их осуществления. Ведь перед ними инструмент, который хочет завоевать народное доверие, а значит должен работать на благо этого самого народа.

Ну, как не назвать это событие "звездным часом"?! Правители, вершители судеб, тогдашняя политическая элита приходит на поклон к социологам. Сама. Пешком. Подобно вершине Эвереста сверкнул пик возможностей социологии. Исследуй, проектируй, требуй! Можно и недовольством масс, какой-нибудь непонятной относительной депривацией погугать.

Однако и тут возможности, конечно, были упущены. Социологи то ли растерялись, то ли не могли выйти из сидящей в крови диспозиции "служить"; стали беспорядочно говорить об ошибках в поведении партийных кандидатов, Обкома во время выборов, полились жалобы на униженное положение социологии, на чрезмерную ее опеку... В то время, как надо было прямо и резко говорить об изменении всей политики, переменах в позиции партии, выдвигении конкретных проектов (пусть это и было бы утопией). Но социология должна была сказать свое слово, раз открылись такие неслыханные возможности. Открытые уши Обкома. Пусть на миг, на "звездный час", но открыты!

А потом, как известно, и обкомы, горкомы исчезли вместе со своими секретарями, готовящимися учиться у социологов, аппаратом, неограниченными полномочиями. Новая демократическая власть, состоящая из деятелей, вышедших из той же, что и социологи, среды (например, тот же питерский А. Чубайс), не приходила на поклон к социологам, да если бы даже пришла, ловили бы сами социологи миг удачи, "звездный час"? Надо отдать должное упомянутому Чубайсу и всему "интеллектуальному" правительству Е.Гайдара. Вначале они спускали гос. заказы на социологические исследования (например, на тему изменения отношений власти в приватизированных предприятиях). Возможно, если бы социологи подхватывали и поддерживали эти связи, о них бы не забывали. А так пошла полная невостребованность.

Еще раз — что же, кроме ностальгических чувств, "взять в будущее"? Думаю, готовность к "звездному часу", востребованности. Кто может востребовать относительно любимого автором производства? Олигархи? Рядовые, то бишь генеральные директора, частенько фактические хозяева предприятий? Увы, опыт автора говорит о напрасности ожиданий. В то же время объявлена инноватизация, а вслед за ней и модернизация, которые я понимаю как революции типа НТР, притом с модернизацией не только производства, экономики, но всех сфер общественной жизни, взаимосвязанных, взаимозависимых. Невозможно мыслить инновационное развитие промышленности в отрыве, скажем, от изменений в политической сфере (о чем начинают говорить сами "народные лидеры", и другие деятели, в т.ч. политические, и в их числе — из современной "ведущей и направляющей"). А в таком случае без социологии не обойтись. Ведь на дворе 21-й век, попросвещеннее 20-го. И, в конечном счете, дело будет зависеть от самой социологии. Она должна "делать свое дело". А что из этого выйдет — как Бог положит (может быть, он ниспослет благодать на социологию?).